

DOI: 10.15643/libartrus-2021.2.4

К вопросу о словообразовании в русской детской речи

© С. Н. Цейтлин

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Россия, 191186 г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48.*

Email: stl2006@list.ru

Статья посвящена словообразовательным инновациям русских детей дошкольного возраста от двух до 6 лет. Детские инновации рассматриваются как разрешенные языковой системой, но отсутствующие в узусе образования, заполняющие абсолютные и относительные лакуны, имеющиеся в языке. Словообразовательные инновации, закрывающие относительные лакуны, сравниваются с их имеющимися в узусе коррелятами, выясняется, что детские деривативы являются гораздо более прозрачными в морфологическом аспекте, т.е. производящее и производное слово (дериватив) не различаются ни местом ударения, ни чередованием фонем. Это свидетельствует о том, что дети конструируют слова, опираясь на самые общие, прототипические правила. Именно по этой причине инновации ребенка (не только словообразовательные, но и словоизменительные, тоже отличающиеся максимальной прозрачностью) являются ценным для лингвистических исследований материалом, помогающим обнаружить иерархическую структуру процедурных правил. Отдельно рассматриваются случаи заполнения детьми абсолютных лакун, которые индивидуальны и зависят от многих обстоятельств как субъективного, так и объективного характера.

Ключевые слова: *словообразование, словоизменения, деривативы, относительная лакуна, абсолютная лакуна, языковые правила.*

Введение

Нельзя не согласиться с Л. А. Булаховским, который утверждал, что «никогда, ни в какую эпоху говорящими не были и не могли быть использованы до конца все формальные возможности, предоставленные языком» [4, с. 100–101]. Эти возможности проявляются в речевой деятельности человека, позволяющей ему в процессе речепорождения создавать номинации для разного рода явлений, которые до сих пор названий не имели, или, если имели, то иначе сконструированные. Сказанное выше относится не только к детской речи, которая является предметом анализа в данной статье, но и к повседневной речи взрослых, поэтической речи и т.д. Языковые единицы, полученные в результате индивидуального словотворчества, принято называть инновациями, или, что фактически то же самое, окказионализмами. Они являются разновидностью того, что академик Л. В. Щерба именовал «отрицательным языковым материалом», к изучению которого он призывал ученых, предсказывая, что результаты могут оказаться чрезвычайно важными для лингвистической науки и педагогической практики.

Русский язык, с его богатой морфологией и огромным количеством словообразовательных моделей, конкурирующих одна с другой, представляет собой богатую почву для возникновения как словоизменительных, так и словообразовательных инноваций. Их лингвистический анализ существенен не только в практическом отношении (имеем в виду его использование в логопедической практике и при обучении русскому языку как второму), но в не меньшей степени в теоретическом, поскольку проливает свет на строение русской языковой системы, позволяет выявить не реализованные в речевой практике возможности и многое другое.

В данной статье мы сосредоточим внимание на некоторых особенностях детского творчества, которые характерны для большинства детей, постигающих русский язык как первый (родной). Мы рассматриваем механизм конструирования ребенком нового слова, который в русском языке осуществляется главным образом путем аффиксации, т.е. прибавления к основе производящего слова суффикса, префикса, постфикса – СЯ, а в ряде случаев – сочетаний названных выше морфем. Способы аффиксации (словообразовательные модели), существующие в русском языке, хорошо описаны в научной литературе, наиболее подробно в [17]. Производящее (мотивирующее) слово в совокупности с произведенным от него словом составляет словообразовательную пару, что проявляется как в семантическом, так и формальном аспектах.

В настоящее время существуют два основных метода изучения процесса словообразования в речевой деятельности ребенка. Некоторые исследователи полагают, что наличие в речи детей производных слов, сконструированных по одной и той же модели, свидетельствует о присутствии этой модели в языковой системе ребенка [14, с. 76–85]. Данная гипотеза пока не получила экспериментального подтверждения, но исследования по этому поводу, безусловно, имеют серьезную ценность, поскольку позволяют выявить структуру словаря ребенка, прежде всего соотношение в нем непроизводных слов (симплексов) и производных (деривативов). Однако, по нашему мнению, такой подход имеет два существенных недостатка. Во-первых, вполне можно предположить, что дериватив уже входит в ментальный лексикон ребенка и при порождении речи может целостно (гештальтно) извлекаться из него. В настоящее время этот подход, называемый холистическим, все больше набирает соратников применительно к словоизменительным проблемам: становится очевидным, что в языковой памяти человека могут храниться не только ментальные корреляты лексем, но и их словоформы. Это проявляется в том, что говорящий при порождении речи отнюдь не всегда производит операции по объединению основы слова со словоизменительным аффиксом, а использует целостную словоформу [7]. Тем более не вызывает сомнения то обстоятельство, что в процессе порождения речи он способен извлечь из языковой памяти и целостные лексемы, представляющие собой совокупность морфем. Можно предположить, что количество гештальтно извлеченных из языковой памяти лексем во много раз превышает количество самостоятельно образованных детьми.

Второе обстоятельство, отчасти снижающее ценность указанного выше подхода, заключается в том, что в тех случаях, когда ребенок самостоятельно конструирует слово, он может выбрать тот же способ аффиксации, который совпадает с выбранным традицией. В таких случаях невозможно определить, имеет место акт деривации при порождении слова или нет.

Фактически единственным несомненным свидетельством того, что ребенок дошкольного и даже раннего возраста способен конструировать слова, владея достаточно обширным репертуаром словообразовательных моделей, является наличие в его речи словообразовательных инноваций.

Одной из задач, которые ставит перед собой автор данной статьи, является выяснение того, насколько соответствуют словообразовательные модели, используемые детьми, при конструировании слов, моделям, диктуемым языковой системой, а также выявление наиболее характерных способов образования слов, используемых детьми, и при наличии в конвенциональном языке сходных по значению деривативов, выяснение различий между «детскими» и нормативными вариантами.

Материал, на анализе которого базируется наше исследование, собирался автором в течение тридцати лет путем наблюдений за речью детей дошкольного возраста, а также родительских дневников и является частью Фонда данных детской речи, принадлежащего лаборатории детской РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург). Возраст детей – от 1 года 8 месяцев до 6 лет.

Из истории изучения детских инноваций

Детские речевые инновации в течение длительного времени привлекают внимание ученых. Так, например, Г. Пауль подчеркивал ведущую роль аналогии в конструировании детьми новых слов, отмечая при этом, что в качестве образцов используются преимущественно регулярные и продуктивные модели [16, с. 138]. Примеры из речи детей использовали в своих лекциях и научных работах представители Казанской лингвистической школы Н. В. Крушевский, В. А. Богородицкий и И. А. Бодуэн де Куртенэ. И. А. Бодуэн де Куртене даже видел в детских отклонениях от действующей нормы прообраз будущего языка. Он считал, что ребенок «не повторяет совсем в сокращении языкового развития целого племени, но, напротив того, ребенок захватывает будущее, предсказывая особенностями своей речи будущее состояние племенного языка, и только впоследствии пятится, так сказать, назад, все более принаравливаясь к нормальному языку окружающих» [2, с. 350–351]. Ему же принадлежит смелая мысль о том, что «толчки к существенным изменениям племенного языка даются главным образом в языке детей» [2, с. 350]. Современные исследования показывают, что это справедливо отнюдь не всегда: дети предвосхищают будущее только в тех случаях, если диахронические изменения заключаются в унификации языковых единиц и правил. Если же направление изменений в языке противоположно, возникает реконструкция того, что существовало раньше.

Академик Л. В. Щерба в своих работах призывал лингвистов не проходить мимо детских инноваций: «Когда ребенок говорит: „У меня нет картов“, то он, конечно, творит формы по своей еще несовершенной грамматике, т.е. еще неадекватной грамматике взрослых, а не повторяет, ибо такие формы он, наверное, не слышал от окружения» [25, с. 48].

Хотя К. И. Чуковский не считал себя профессиональным лингвистом, но в его известной книге «От двух до пяти», выдержавшей к настоящему времени уже более полусотни переизданий, содержится много ценных научных наблюдений, касающихся детских слово- и формообразований. Он писал об удивительной одаренности ребенка, которую в настоящее время принято называть лингвокреативностью, называя ребенка своего рода маленьким лингвистом: «Она (т.е. речевая одаренность. – С. Ц.) проявляется не только в классификации окончаний, приставок и суффиксов, которую он незаметно для себя самого производит в своем двухлетнем уме, но и в той угадке, с которой он при создании нового слова выбирает для подражания необходимый ему образец. Само подражание является здесь творческим актом» [24, с. 21]. Удивляя многих из читателей его книги, К. И. Чуковский настаивал на том, что «детские речения порою даже правильнее наших». С этим парадоксальным, на первый взгляд, утверждением вполне можно согласиться, если трактовать правильность в духе Э. Косериу, т.е. рассматривая систему как «систему возможностей, координат, которые указывают открытые и закрытые пути в речи», норма при этом рассматривается как совокупность обязательных реализаций, принятых в данном обществе и данной культурой [15].

Огромную роль в изучении детской речи в целом и детских речевых инноваций в частности сыграл А. Н. Гвоздев, которого мы по праву считаем основоположником современной отечественной онтолингвистики. Он вел наблюдения за развитием речи своего сына Жени начиная

с года и восьми месяцев до девятилетнего возраста ребенка, исследуя изменения в морфологической структуре детского языка, его звуковой системе, синтаксическом строе, лексике (см. [8]). Он утверждал, что «характерные отклонения детского языка от языка взрослых могут доставить немало данных, чтобы вскрыть естественную группировку разных элементов в системе языка» [8, с. 9]. Называя детские отклонения от нормы «образованиями по аналогии», он писал, что «ребенок обнаруживает стихию языка без какого бы то ни было искажения» [8, с. 16]. Именно это обстоятельство, по его мнению, делает изучение механизма освоения ребенком языка таким важным для лингвистического изучения.

Интерес к изучению речевых инноваций ребенка в настоящее время неуклонно возрастает. Так, например, в работах М. Б. Елисеевой, основанных на материале наблюдений автора за дочерью, большое внимание уделяется как словообразовательным, так и словоизменительным инновациям [11, 12]. То обстоятельство, что как те, так и другие появляются у ребенка приблизительно в одно и то же время – в последней четверти второго года жизни – позволяет думать, что ребенок уже в состоянии ощутить членимость словоформы сразу в двух аспектах – словообразовательном и словоизменительном. Глагольные словоизменительные инновации в детской ранней речи и реакция на них взрослых рассмотрены в монографии Н. В. Гагариной [6]. Значительное место в исследованиях М. Д. Воейковой занимает анализ встречающихся в речи детей не соответствующих норме форм прилагательных [5].

Из западных исследователей, занимавшихся проблемой детских инноваций, следует отметить Ив Кларк [26, 27], которая в своих работах анализирует словообразовательные конструкции англоязычных детей. Разумеется, типологические различия между английским и русским языком накладывают существенный отпечаток на детское словообразование: в русском языке отсутствует конверсия, позволяющая переводить существительное в глагол (см. в английском языке *bicycle* – велосипед и кататься на велосипеде) и в гораздо большей степени, чем в русском языке, присутствует словосложение: *sun-rise, dry-clean*) и т.п. Образование новых слов путем присоединения аффиксов (деривация) занимает гораздо более скромное место в английском языке, чем в русском. Автор показывает, что англоязычный ребенок пользуется всеми способами достаточно активно, в том числе и деривацией: **cooker* вместо *cook*¹ – деривация, **to car* (машина и ездить на машине – конверсия, **running-stick* – палка, с которой ребенок любит бегать (словосложение). Ив Кларк принадлежит введенный в лингвистический обиход термин *preemption*, под которым понимается неизбежно наступающее на определенном этапе вытеснение «детского» слова его нормативным эквивалентом.

Однако в целом западные исследования, основанные в большинстве своем на материале речи англоязычных детей, в рассматриваемой нами области словообразования сравнительно малочисленны, что объясняется преимущественно аналитической природой английского языка.

Словообразовательные и словоизменительные инновации

Под окказиональным, т.е. противоречащим норме, словообразованием мы понимаем создание не существующих в современном языке слов, таких, например, как **гвозденок* (маленький гвоздь), **горячесть* (свойство горячего), **грызнуть* (одноактное к грызть), **ение* (действие по глаголу есть), **издыневый* (сделанный, приготовленный из дыни), **обессониться* (ли-

¹ Звездочкой обозначены речевые инновации.

шиться сна) и т.д. [18]. Его не следует путать с окказиональным словоизменением, т.е. созданием не существующей в современном языке формы уже имеющегося в языке слова: *плакает, под *скатертей, *ищит, *сладчее, *карандашов, *победю и пр. И в том, и в другом случае мы имеем дело с инновацией, в первом случае – словообразовательной, во втором – словоизменительной (формоизменительной) [3]. Оба явления широко представлены в речи русскоязычного ребенка и появляются приблизительно в одно и то же время – около двух лет.

Анализируя имеющийся в нашем распоряжении материал, а также уникальный «Корпус детских высказываний» В. К. Харченко [19], словарь «Говорят дети 1996» [9], можно заметить интересную закономерность: сконструированное ребенком слово чаще всего оказывается его уникальным творением, которого не встретишь в речи других детей, что же касается построенной ребенком окказиональной формы имеющегося в языке слова, то она обычно повторяется в речи его сверстников. Можно, казалось бы, предположить, что дети перенимают друг у друга окказиональные формы слов, однако с этим никак нельзя согласиться: нормативный речевой инпут, получаемый детьми от взрослых, по своему объему и значимости в значительной степени превышает инпут, получаемый от других детей, так что «заразиться» ненормативной формой слова вряд ли возможно. Можно полагать, что совпадение словоизменительных инноваций в речи разных детей объясняется более глубокими причинами: ограниченностью морфологических парадигм по сравнению со словообразовательными, большей вариативностью последних в русском языке, а, главное, огромным, почти бесконечным, количеством потенциальных производящих лексем, которые реализуются в конвенциональной норме лишь в крайне незначительной степени. Можно сказать, что количество потенциальных возможностей словообразовательных моделей языка в сотни, если не в тысячи раз превышает потенциальные возможности словоизменительных моделей. Так, например, языковая система допускает, что от любого глагола, обозначающего действие, характеризующее поведение человека, с помощью суффикса -УН, может быть образовано отглагольное существительное: *болтать – болтун, кричать – крикун*. Однако реальных лексем, построенных по этой модели, в языке совсем немного: кроме указанных выше существительных, «Обратный словарь» А. А. Зализняка [13] предлагает всего 20. Дело в том, что одно и то же словообразовательное значение может быть выражено широким спектром разнообразных формантов, в данном случае – суффиксов. Значение «носитель процессуального признака» может быть выражено с помощью суффиксов -ТЕЛЬ, -НИК, -ЛЬНИК, -ЕЦ, -ЛЬЩИК, -АРЬ и ряда других [17, т. 1, с. 145–160]. Среди детских образований встречаются самые разнообразные инновации с этими и другими суффиксами, существование которых предусмотрено языковой системой, но не использовано языковой нормой. Это обстоятельство открывает огромные возможности для словообразовательной деятельности.

Что касается набора морфологических форм, которые укладываются в пределы строгих парадигм, то их объем ограничен: 12 форм для большей части существительных, образуемых граммемами падежа и числа, 6 – для той части существительных, которые имеют формы только единственного или только множественного числа; 24 – для относительных прилагательных (граммемы рода, падежа и числа), для качественных – больше, с учетом кратких форм и степеней сравнения и т.д. Разнообразна парадигма глагола, имеющего как финитные, так и нефинитные формы (инфинитив, деепричастие, причастие). Парадигматика частей речи не может сравниться с богатством разветвленных словообразовательных гнезд, каждое из которых даже при семантической близости мотивирующих слов, возглавляющих словообразовательное

гнездо, построено не так, как другое. Совершенно очевидно, что словообразовательная структура языка предоставляет индивиду гораздо больше возможностей для творчества, чем словоизменяемость. На это в свое время указал Л. А. Булаховский, утверждая, что область словообразования – одна из наиболее творческих, наименее замкнутых в грамматике языка. Обилие детских словообразовательных инноваций подтверждает данное наблюдение.

Отметим и другую важную особенность в освоении ребенком языка: выбор морфологической формы слова к двум – двум с половиной годам у большинства детей является почти безошибочным [20–23], т.е. можно считать, что базовые правила морфологии уже освоены, и дальнейшие отклонения от нормы связаны не столько с тонкостями грамматической семантики, сколько с нарушением правил конструирования словоформ, которые отличаются вариативностью, а также имеющим место конфликтом между уровнем системы и нормы, не допускающим реализации всех возможностей, предлагаемых системой.

Детские инновации как заполнение языковых лакун

Созданная ребенком единица, как не существующее в языке слово, т.е. словообразовательная инновация, так и не совпадающая с нормой форма имеющегося в языке слова, т.е. словоизменяемая инновация, может оказаться заполнением либо относительной, либо абсолютной лакуны.

В первом случае, когда речь идет о заполнении относительной лакуны, речевая инновация оказывается вариантом тождественного по семантике слова: ср. детское **небный* и «взрослое» *небесный*; детское **нарезывать* и «взрослое» *нарезать* и т.д. (нестандартное образование слова) или вариантом формы слова: ср. детское **искаю* и «взрослое» *ищу*; детское **стулы* и «взрослое» *стулья* (нестандартное образование формы имеющегося в языке слова).

Во втором случае мы имеем дело с абсолютной лакуной. Словообразовательная детская инновация никакого коррелята во «взрослом» языке не имеет просто потому, что у носителей языка не возникало необходимости обозначать фактически не поддающееся измерению количество реальных ситуаций словом, поскольку каждая из них может быть выражена словосочетанием: ср. *Меня крапива *окрапивила* (обожгла); *Я тут *набуквил на бумаге* (написал буквы); *Будем с тобой *молоточить* (работать молотком); **Искарманивай руку* (вынимай руку из кармана) и т.д. Несозданных слов в тысячи раз больше, чем реально существующих. Сконструированные ребенком слова заполняют «дыры» в языковой системе, самим фактом своего существования указывая на имеющиеся в языке пустые клетки. Нечто подобное наблюдается и в морфологии: по не до конца выясненным причинам некоторые из потенциально возможных морфологических форм отсутствуют в общем употреблении, но при этом могут реализовываться детьми. В таких случаях можно говорить о так называемой «точечной» лакунарности, т.е. отсутствии тех или иных форм у некоторых лексем, семантика которых позволяет эти формы иметь. В качестве примера можно привести отсутствие формы 1 лица единственного числа у некоторых существительных, например, у глаголов *победить*, *убедить* и некоторых других. Дети, руководствуясь в первую очередь базовыми правилами, часто подобные лакуны заполняют: *«Я вас всех *побежу»*, *«Никак тебя не *убежу, что мне еще рано спать ложиться»*. Несколько существительных лишены формы родительного падежа множественного числа. Однако дети часто заполняют эту лакуну: *«Не забуду своих *мечтов»* и т.п. Существует и морфологическая лакунарность, которую можно назвать групповой: у большого числа глаголов отсутствуют формы деепричастия, о чем дети могут не знать, т.к. деепричастия встречаются

в инпуге, особенно к обращенной к детям речи, крайне редко. Поскольку в данной статье речь идет прежде всего о детском словообразовании, в дальнейшем мы будем иметь в виду лишь случаи создания новых слов, заполняющих как абсолютные, так и относительные лакуны.

Детские словообразовательные инновации, заполняющие абсолютные лакуны

Подавляющее большинство детских словообразовательных инноваций связано с заполнением не относительных, а абсолютных лакун. Выше мы уже говорили о богатстве словообразовательной структуры языка по сравнению со словоизменительной структурой и связанной с этим возможностью нереализованных деривационных потенциалов.

Сталкиваясь в индивидуальном лексиконе с отсутствием слова, нужного для номинации предмета, события, явления, ребенок во многих случаях не придумывает абсолютно новой звуковой оболочки для обозначения реалии, но, опираясь на ассоциации, возникающие при поиске ее обозначения, конструирует новое слово, опираясь на существующее в языке. При этом он использует словообразовательную модель, которая уже имеется в его индивидуальной грамматике (грамматиконе). Возникает словообразовательная пара, в которой в роли производящего слова выступает лексема, имеющаяся в конвенциональном языке, а в роли производного – окказиональная лексема (инновация). Все они в большинстве случаев без труда воспринимаются партнером по коммуникации, чему немало способствуют контекст или ситуация речи. Приведем примеры наиболее типичных случаев создания слов, не имеющих коррелятов в конвенциональном языке, т.е. закрывающих абсолютные лакуны.

Любое существительное, обозначающее предмет, лицо, животное и т.п., теоретически способно стать производящим для прилагательного, имеющего значение «относящийся к тому, что обозначается словом, называющим данную реалию». Однако лишь сравнительно небольшая группа существительных пользуется этой возможностью. Дети реализуют эту предусмотренную языковой системой возможность. Приведем конкретные примеры из речи детей.

(1) Если человек вымажется цветочной пылью, он сможет летать?

– Нет

– А если **бабочной*?

(2) Мотылек такой **балеринный*!

(3) Сегодня день **бассейный* или **саунный*?

(4) **Рыбный* день (объявление на двери столовой). *Рыбный* день – это у рыб такой праздник?

В последнем примере слово **рыбный* в языке имеется, но используется в иных значениях, конкретизирующих названное выше общее значение в частных его вариантах (ср. *рыбный суп*, *рыбная тарелка*, *рыбный отдел*, *рыбный базар* и пр.).

Некоторое число глаголов, обозначающих физические действия, имеет производные от них глаголы, указывающие на один акт этого действия: стучать → стукнуть, кричать → крикнуть, дергать → дернуть и др. Однако ситуаций, связанных с кратковременным действием, во много раз больше, во всяком случае – в представлении ребенка.

(5) Разок **баловнемся* и спать!

(6) В трубке что-то **гуднуло*!

(7) Жираф доклонился до цветочка и **жевнул* его разок.

Широко используется детьми так называемая каритивная модель создания отсубстантивных прилагательных, обозначающая отсутствие того, что названо производящим существительным.

(8) Сегодня день у нас **безапельсинный?* (Детям каждый день давали по апельсину).

(9) А бывают весы **безгирные?*

(10) Смотри: домик **бездверный!*

Интересно, что зачастую ребенок, использует не словообразовательную пару, а многоступенчатую словообразовательную цепочку, причем каждый шаг основан на существующей в языке словообразовательной модели.

Анализ детских словообразовательных инноваций подтверждает наблюдение Н. Д. Артюновой, изучавшей словообразовательные процессы на материале испанского языка. Именно она ввела в научный обиход термин *чресступенчатая деривация*. Она писала о том, что «словообразование может осуществляться с пропуском любого количества опосредствующих элементов [1, с. 142]. Эти многоступенчатые аффиксальные образования позволяют обозначить реалии, не имеющие коррелятов в конвенциональном языке. Путем использования комбинации существующих в языке моделей ребенок создает новые, более емкие:

(11) Папа **зеркалится* (смотрится в зеркало).

(12) Он упал и **обгрязился*.

(13) Кусок никак не **навиливается* (не надевается на вилку).

(14) Мы тут гайку **отгайкиваем*.

Продемонстрируем процесс создания нового слова на последнем из примеров: *гайка* → *пригайкать* → *отгайкать* → *отгайкивать*. Мы видим, что ребенок использует модели, существующие в языке, соблюдая в каждой из трех словообразовательных пар предусмотренные нормой семантические и формальные отношения.

Детские словообразовательные инновации, закрывающие относительные лакуны

В тех случаях, когда словообразовательная инновация ребенка имеет коррелят в конвенциональном языке, сопоставляя детскую словоформу с ее нормативным коррелятом, мы получаем возможность выявить некоторые особенности деривационного процесса в детском словообразовании. Приведем примеры наиболее характерных различий между детскими и нормативными дериватами.

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что сконструированная ребенком словообразовательная пара обычно отличается бо́льшей морфотактической прозрачностью, чем конвенциональная.

Дети предпочитают сохранять место ударения в производном слове: *бинт* – **би`нтить* ср. *бинтовать*; *герой* – **геро`йница* ср. – *героиня*; *весло* – **весло`вая лодка* ср. *весельная*; *варить* – **варе`ние* ср. *варка*; *ель* – **е`левый* ср. *еловый*; *затянуть* – **зате`ивать* ср. *затевать*; *лебедь* – **ле`бедевый* ср. *лебяжий*; *лиса* – **лисо`вый* ср. *лисий*; *касса* – **ка`ссник* ср. *кассир*; *надеть* – **надевывать* ср. *надевать*; *гудеть* – **гуд* ср. *гудение* и т.д.

В приведенных выше примерах детские деривативы строятся по синонимическим по отношению к использованным традицией моделям.

Не менее часто ребенок использует нормативную модель, но несколько ее реконструирует, добиваясь все той же морфотактической прозрачности, т.е. избегая чередований гласных:

гладить – *гладенье ср. глаженье; глухой – *глухь ср. глушь; докончить – *докончивать ср. доканчивать; дотронуться – *дотрогиваться ср. дотрагиваться; зацепить – *зацепать ср. зацеплять и др.

Заключение

1. Конструируя свою индивидуальную языковую систему, ребенок не только пополняет свой лексический запас, извлекая слова из имеющегося в его распоряжении лексикона, но и сам создает слова путем аффиксации.
2. Если созданное ребенком слово не совпадает с существующим в языке, то оно попадает в число инноваций, закрывающих абсолютную или относительную лауну.
3. Анализ словообразовательной инновации показывает, что, конструируя ее, ребенок опирается на словообразовательные модели, существующие в языке, в ряде случаев – на комбинации этих моделей.
4. Конструируя слово, ребенок учитывает прежде всего базовое словообразовательное значение слова, а не частное. Вследствие этого, сконструированные ребенком слова могут совпадать с существующим в конвенциональном (стандартном) языке, но не соответствовать частному.
5. При конструировании слова дети предпочитают модели, характеризующиеся морфотактической прозрачностью, т.е. наибольшим подобием в формообразовательном отношении производного и производящего слова.
6. Наличие в детской речи словообразовательных инноваций свидетельствует о творческом характере речевого онтогенеза.

Работа поддержана РФФИ (проект 19-012-00293 «Лексическое развитие детей-билингвов раннего возраста»).

Литература

1. Арутюнова Н. Д. *Очерки по словообразованию в современном испанском языке*. М., 1961.
2. Бодуэн де Куртене И. А. *Избранные труды по общему языкознанию*. Т. 1. М., 1963.
3. Бондарко А. В. *Теория морфологических категорий и аспектологические исследования*. М.: ЯСК, 2005. 620 с.
4. Булаховский Л. А. *Курс русского литературного языка*. 5-е изд. Киев, 1952.
5. Воейкова М. Д. *Становление имени. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка*. М.: ЯСК, 2015. 350 с.
6. Гагарина Н. В. *Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи*. СПб., 2008. 273 с.
7. Гаспаров Б. М. *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. М.: НЛО, 1996. 350 с.
8. Гвоздев А. Н. *Вопросы изучения детской речи*. М., 1961. 472 с.
9. *Говорят дети: Словарь-справочник*. СПб.: Нива, 1996.
10. Елисеева М. Б. *Становление индивидуальной языковой системы ребенка. Ранние этапы*. М.: ЯСК, 2014. 342 с.
11. Елисеева М. Б. Суффиксальные словообразовательные модели в речи ребенка от 3 до 4 лет (на материале лонгитюдного исследования) // Современная онтолингвистика: проблемы, методы, открытия: Мат-лы ежегодной международной научной конференции. Иваново: ЛИСТОС, 2019. С. 152–156.
12. Елисеева М. Б. Онтогенез окказионального образования в речи ребенка от 3 до 4 лет (на материале лонгитюдного исследования) // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2020. №196. С. 15–32.
13. Зализняк А. А. *Обратный словарь русского языка*. М., 1974. 943 с.
14. Казаковская В. В. Производные существительные в русской детской речи // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2018. №189. С. 76–86.

15. Косериу Э. *Синхрония, диахрония и история*. М., **2001**. 205 с.
16. Пауль Г. *Принципы истории языка*. М., **1960**. 460 с.
17. *Русская грамматика*. Т. 1–2. М., **1980**.
18. *Словарь детских словообразовательных инноваций*. СПб.: Златоуст, **2006**. 201 с.
19. Харченко В. К. *Корпус детских высказываний*. М.: изд-во Литературного института им. А. М. Горького, **2012**. 520 с.
20. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи // *Знак*. **2009**. 592 с.
21. Цейтлин С. Н. Онтолингвистика в пути // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. **2018**. №189. С. 12–22.
22. Цейтлин С. Н. *Лингвистические этюды*. СПб.: изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, **2013**. 408 с.
23. Цейтлин С. Н. *Язык и ребенок. Освоение ребенком родного языка*. М.: ВЛАДОС, **2017**. 240 с.
24. Чуковский К. И. *От двух до пяти*. М., **1955**. 230 с.
25. Щерба Л. В. *Языковая система и речевая деятельность*. Л., **1974**. С. 422.
26. Clark E. V. Later lexical development and word formation // *The handbook of child language* / Ed. P. Fletcher, V. MacWhinney. Oxford: Blackwell, **1995**. Pp. 393–412.
27. Clark E. V. *First Language Acquisition*. 2nd ed. Cambridge, **2009**.
28. Rakhilina E., Vyrenkova A., Polinsky M. Linguistic creativity in heritage speakers // *Glossa: a journal of general linguistics*. **2016**. Vol. 1. No. 1. Pp. 1–29.

Поступила в редакцию 22.03.2021 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2021.2.4

On the question of derivation in the children's speech

© S. Tseitlin

*Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moika Embankment, 191186 St. Petersburg, Russia.*

Email: stl2006@list.ru

The author of the article studies derivational innovations produced by Russian-speaking pre-school children aged 2–6 years. The data for the analysis was provided by the Foundation of the Children's Speech Data of the Laboratory of Children's Speech (St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University). The author compared derivational and inflectional innovations and found out that innovative word forms constructed by different children often coincide (*iskayu 'I look for', *voz'mit' 'to take', *poros'onki 'piggies', *plokheye 'worse/*badder'), while new words produced by children do not usually tend to coincide (*balovan'ye 'the pampering', *bol'nota 'pain', *razbudit's'a 'to be awoken', *vgasit' 'to re-turn off'). The reason lies in the fact that the number of inflection models is very limited compared to the high variety of derivation models and uncountable range of potentially productive words. The author regards children's innovations as constructs allowed by the language system but absent in the usual speech that fill absolute and relative gaps in the language. Derivational innovations fill relative gaps. Comparing them to their usual counterparts, it was found out that children's derivatives are more transparent in the morphological sense, as both producing and produced words are similar in the place of the stress and the alternation of the forms. This proves that children construct new words on the basis of the most general, prototypical rules. This is the reason why children's innovations (not only derivational, but also inflectional ones, which are also highly transparent) provide valuable data for the linguistic study, which allows us to discover the hierarchical structure of procedural rules. The author separately analyzed cases of filling absolute gaps, as they are individual and depend on many subjective and objective factors.

Keywords: derivation, inflection, derivative, relative gap, absolute gap, language rule.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Tseitlin S. On the question of derivation in the children's speech // *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 2. Pp. 99–110.

References

1. Arutyunova N. D. *Ocherki po slovoobrazovaniyu v sovremennom ispanskom yazyke [Essays on word formation in modern Spanish]*. Moscow, 1961.
2. Baudouin de Courtenay J. A. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu. T. 1 [Selected works on general linguistics. Vol. 1]*. Moscow, 1963.
3. Bondarko A. V. *Teoriya morfologicheskikh kategorii i aspektologicheskie issledovaniya [Theory of morphological categories and aspectological studies]*. Moscow: YaSK, 2005.
4. Bulakhovskii L. A. *Kurs russkogo literaturnogo yazyka [Course of Russian literary language]*. 5 ed. Kiev, 1952.
5. Voeikova M. D. *Stanovlenie imeni. Rannie etapy usvoeniya det'mi imennoi morfologii russkogo yazyka [Formation of a name. The early stages of learning the nominal morphology of the Russian language by children]*. Moscow: YaSK, 2015.
6. Gagarina N. V. *Stanovlenie grammaticheskikh kategorii russkogo glagola v det'skoi rechi [Formation of grammatical categories of the Russian verb in children's speech]*. Saint Petersburg, 2008.

7. Gasparov B. M. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya [Language, memory, image. Linguistics of linguistic existence]*. Moscow: NLO, **1996**.
8. Gvozdev A. N. *Voprosy izucheniya det-skoi rechi [Issues of studying children's speech]*. Moscow, **1961**.
9. *Govoryat deti: Slovar'-spravochnik [Children speak: Dictionary handbook]*. Saint Petersburg: Niva, **1996**.
10. Eliseeva M. B. *Stanovlenie individual'noi yazykovoii sistemy rebenka. Rannie etapy [Formation of the child's individual language system. Early stages]*. Moscow: YaSK, **2014**.
11. Eliseeva M. B. *Sovremennaya ontolingvistika: problemy, metody, otkrytiya: Mat-ly ezhegodnoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ivanovo: LISTOS, 2019. Pp. 152–156.*
12. Eliseeva M. B. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. 2020. No. 196. Pp. 15–32.*
13. Zaliznyak A. A. *Obratnyi slovar' russkogo yazyka [Reverse dictionary of the Russian language]*. Moscow, **1974**.
14. Kazakovskaya V. V. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. 2018. No. 189. Pp. 76–86.*
15. Coseriu E. *Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya [Synchrony, diachrony and history]*. Moscow, **2001**.
16. Paul H. *Printsipy istorii yazyka [Principles of the history of language]*. Moscow, **1960**.
17. *Russkaya grammatika. T. 1–2 [Russian grammar. Vol. 1–2]*. Moscow, **1980**.
18. *Slovar' det-skikh slovoobrazovatel'nykh innovatsii [Dictionary of children's word-formation innovations]*. Saint Petersburg: Zlatoust, **2006**. 201s.
19. Kharchenko V. K. *Korpus det-skikh vyskazyvaniy [Corpus of children's utterances]*. Moscow: izd-vo Literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo, **2012**.
20. Tseitlin S. N. *Znak. 2009.*
21. Tseitlin S. N. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. 2018. No. 189. Pp. 12–22.*
22. Tseitlin S. N. *Lingvisticheskie etyudy [Linguistic essays]*. Saint Petersburg: izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, **2013**.
23. Tseitlin S. N. *Yazyk i rebenok. Osvoenie rebenkom rodnogo yazyka [Language and child. Learning a native language by a child]*. Moscow: VLADOS, **2017**.
24. Chukovsky K. I. *Ot dvukh do pyati [From two to five]*. Moscow, **1955**.
25. Shcherba L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' [Language system and speech activity]*. Leningrad, **1974**. Pp. 422.
26. Clark E. V. *The handbook of child language*. Ed. P. Fletcher, B. MacWhinney. Oxford: Blackwell, **1995**. Pp. 393–412.
27. Clark E. V. *First Language Acquisition*. 2nd ed. Cambridge, **2009**.
28. Rakhilina E., Vyrenkova A., Polinsky M. *Glossa: a journal of general linguistics. 2016. Vol. 1. No. 1. Pp. 1–29.*

Received 22.03.2021.